

*Моим товарищам из Техаса и феям-редакторам
Вики Лейм и Ванессе Агирре — благодарность за то,
что превращают мои истории из тыкв
в прекрасные кареты.*

*И всей команде Wednesday Books — прошлой и настоящей —
за то, что помогли не споткнуться о подол платья
и приехать на бал вовремя. Благодаря вам последние пять лет
моей жизни стали настоящей сказкой.*

Спасибо

НАЧАЛО

У всех историй, даже самых обычных и скучных, есть начало. Так устроен наш мир. Ни одна история — будь то детская сказка, эпическая сага, анекдот, рассказанный за обедом, или сообщение в телефоне — не существует в пустоте. Все откуда-то начинается.

Эта история началась под огромным дубом. Неважно, где он рос. (Может, во Флориде, или в Кентукки, или в Колорадо.) Неважно, какая была погода. (Может, шел снег, или светило солнце, или стояло безветрие.)

Что было важно — и важно до сих пор — это две маленькие головки, склоненные друг к другу под дубом. Прямые волосы девочки, собранные в хвостики, путались в кудряшках мальчика. Ребята наблюдали

за городом, который они метко назвали Улитко-градом.

— Фредрик пропал, — грустным голосом произнесла девочка.

— Не-а, — ответил мальчик, поднимая грязными пальцами белую ракушку. — Вот он.

— Это не Фредрик. У Фредрика сверху трещинка.

— Неправда, — возразил мальчик.

— Правда, — сказала девочка.

Мальчик подался вперед и положил улитку ей на ладонь. Из-под его рукава выглянула неровная красная линия. При виде нее девочка перестала переживать об улитке Фредрике. Царевны и синяки, которые мальчик так старательно прятал, выгоняли из головы все мысли. Место оставалось только для него.

Девочка сделала то, что делала всегда, когда замечала его раны. Наклонилась и поцеловала его ладонь — совсем рядом с царапиной, но не касаясь ее, — и прошептала:

— Поцелуй идет туда, куда нужно.

Мальчик кивнул и сказал то, что всегда говорил:

— Мне уже лучше.

Как и у всех мифов и легенд, у этой истории нет четких очертаний. Между исчезновением улитки Фредрика и отъездом мальчика, который дал ей имя, могло произойти множество вещей. Может, учитель заметил синяки и сообщил куда следует. Может, это был дядя мальчика. Может, и то и другое.

Важно, что вот вроде вчера еще мальчик и девочка были королем и королевой Улиткограда. А сегодня мальчик, стоя под дубом, сложил руки на груди, посмотрел подбитым глазом на девочку и произнес:

— Мне надо идти.

Девочка вскочила на ноги, совсем позабыв про улиток.

— Но почему?

Мальчик не хотел говорить, но все равно сказал:

— Я уезжаю. Буду жить с дядей.

Девочка не понимала — не до конца, — поэтому сделала единственное, что могла: она заплакала. А затем, все еще рыдая, обвила руками его шею.

Ведь они были правителями Улиткограда. Лучшими друзьями. Кто будет целовать его руки, чтобы ему стало лучше, если ее не будет рядом? Кто найдет улиток, которых она потеряла?

— Но почему тебе надо уезжать? — всхлипывая, спросила она.

Мальчику не нравилось смотреть, как девочка плачет, поэтому он сделал единственное, что мог: он пообещал невозможное и обнял ее в ответ.

— Не знаю, — сказал он. — Просто надо. Но мы всегда будем друзьями. Обещаю. Когда мы станем большими, я тебя найду.

— Насколько большими? — спросила девочка, уткнувшись ему в шею.

— Наверное, очень большими, — ответил мальчик. — Когда нам будет восемнадцать.

Восемнадцать — такое огромное, далекое, невозможное число. Но девочка кивнула.

— Правда обещаешь? — спросила она.

— Да, — сказал мальчик. — Правда обещаю.

И они росли, физически далеко друг от друга, но — чаще, чем сами это осознавали, — мысленно вместе.

И хотя они росли, и менялись, и стали совсем не похожими на правителей Улиткограда, хотя их планеты кружились на разных орbitах, девочка никогда не забывала мальчика, а он никогда не забывал ее.

ГЛАВА 1

Нова

Я привыкла, что на меня глазеют, особенно в таких маленьких школах. И я не тупая: знаю, что внимание на меня обращают не из-за моей неземной красоты и не потому, что в меня скоро влюбится местный вампир. Я лишь звено, выбивающееся из цепи, нечто новое.

Людям свойственно повторять шаблоны. Наверное, поэтому мы сумели выжить: соображали, что вот *этот* мамонт как-то странно пахнет. Вряд ли понимали *почему*, но все же не пытались его съесть.

Я лишь временное нарушение привычного порядка, не более. И сейчас все пытаются решить, стоит ли меня съесть или лучше оставить в покое.

Но я знаю *их* шаблоны. Да, я пробыла здесь всего десять минут, но все школы похожи одна на другую. С детского сада я перевидала их так много, что и не сосчитать. Спасибо маминой работе бухгалтером, из-за которой мы постоянно переезжаем. Мама приходит к очередному клиенту и уничтожает проблему с помощью электронных таблиц и прогнозов, затем собирает все обратно по кусочкам, и мы едем дальше. Однажды мы задержались на одном месте на целых два года — когда она работала на какую-то крупную авиакомпанию, — но я была такой маленькой, что почти и не помню то время.

Почти.

Я в одиннадцатом классе, и это моя *шестая* старшая школа. Возня с документами — сущий кошмар, но, оказывается, если оценки у тебя приличные, а мама — волшебница бумажной волокиты, то вполне можно быть подростком-бродягой, который попробовал почти две дюжины разных школьных пицц. (Спойлер: на вкус они совершенно одинаковые.)

Это тоже часть шаблона. Первый вопрос, который мне задают, когда узнают, кто я и насколько тут задержусь: «Разве не ужасно так часто переезжать?»

И я каждый раз отвечаю совершенно честно: «Совсем нет».

Не жизнь, а мечта на самом деле. Я могу быть кем захочу безо всяких последствий, ведь ставки настолько низкие. Ошибиться в расчетах и полгода выставлять себя дурой в кружке комедийной импровизации? Ну и что. К летним каникулам меня уже забудут. Весь семестр одеваться в стиле коттеджкор и лишь под конец осознать, что я ужасно выгляжу в рюшах? Ничего

страшного. Меня даже не будет на классной фотографии. (Коттеджкор, кстати, был отвратительной идеей. Зима в Цинциннати совсем не подходит для легких кофточек и пышных юбочек.)

Конечно, было бы здорово задержаться на одном месте и обрести друзей, которые не исчезнут через месяц-другой после переезда на новое место, в новую школу, новую компанию, в которую я завернусь, как в кокон, чтобы потом вылететь из него неприкаянной бабочкой, обретенной вечно порхать от одного социального круга к другому и никогда не приземляться. Но я привыкла. Иногда мне даже нравится: не нужно переживать, насколько я подхожу людям вокруг, потому что вскоре они сменятся другими. Меньше друзей — значит меньше прощаний. Это хорошо. Правда.

Но вернемся к шаблонам.

Заходя в столовую — это самое важное событие для новеньких, — я понимаю, что меня оценивают, но впервые не продумываю, кем хочу показаться, какой реакции жду от них.

Я не хочу никакой реакции. Я вообще не хочу, чтобы меня замечали.

Потому что эта остановка будет самой короткой — меньше двух месяцев — и я не собираюсь примерять новые маски. Отчали из-за того-о-ком-нельзя-думать из прошлой школы под Сиэтлом. Я все еще собираю осколки разбитого сердца, и мне некогда придумывать, какую Нову Эванс я примерю следующей.

А еще — самое важное — потому что я *устала*. Никогда раньше я не пыталась просто плыть по течению в школе, просто существовать, быть собой, кем бы эта «я» ни была.

Господи, как банально звучит.

Но за порогом университет, и если я не пойму, кем хочу быть, куда хочу двигаться, то так и продолжу ломать шаблоны — только в плохом смысле.

Мама была первой, кто получил высшее образование в нашей семье. Дедушка с бабушкой даже школу не окончили — бросили на последнем году. Для мамы образование всегда было очень важным.

«Мне все равно, куда ты поступишь, — говорила она. — Главное — закончи и получи диплом, который обеспечит стабильный доход».

На стабильном доходе я и спотыкаюсь. Потому что, насколько я могу судить, мои сильные стороны — это хамелеонить от школы к школе и каждый раз одинаково упаковывать вещи в коробки (если я вообще успеваю распаковать их после переезда).

Откуда мне знать, что а) сделает меня счастливой и б) поможет заработать деньги, если я даже не понимаю разницы между тем, что мне по-настоящему нравится, и тем, что я просто примерила, или тем, чем занималась, чтобы не выделяться из толпы?

В прошлом году я ходила на день карьеры, где директор толкала речь в дешевый фонящий микрофон. Ее трудно было расслышать в шуме толпы, но последняя фраза прозвучала четко и ясно: «Быть может, у вас не получится превратить хобби в карьеру, но если вы поймете, что в вашем хобби привлекает вас больше всего и что вас зажигает, то яснее увидите путь, по которому вам стоит идти в своей жизни».

Из хаотичных мыслей меня вырывает осознание: слишком много глаз уставились на мой прикид — джинсы, футболку из книжного в Мичигане, где я была один раз, и суперудобные, но неподходящие для спорта кроссовки, оставшиеся со времен моего увлечения спортивным стилем три школы назад.

И хотя следующие два месяца я решила просто существовать, сейчас мне нужно куда-то сесть. Мне прекрасно подошел бы одинокий уголок, но столовая слишком маленькая. К длинным узким столам пододвинуто множество не сочетающихся друг с другом стульев — небогатая инфраструктура школы пытается уместить в себя всех учеников. А значит, мне негде спрятаться и некуда приткнуться, не создавая этим повод для обсуждений.

В конце концов я оказываюсь на дальнем конце стола, за которым сидят футболисты. Надеюсь, это считывается как послание «я не хочу мешать». Спортивные куртки и манера держаться, словно они боги школы, — это еще один предсказуемый шаблон, и местные футболисты не исключение. Такие же громкие и буйные, даже подносами о стол стучат сильнее. На шум никто не обращает внимания, хотя я и замечаю парочку человека, которые смотрят на футболистов, словно завороженные жизнью знаменитостей. Одна девочка, кажется, подходит ближе, будто комета, притянутая гравитацией планеты, но быстро меняет траекторию и исчезает.

На самом деле славно, что, где бы я ни была, спортсмены — короли. Хоккеисты, баскетболисты, футболисты — неважно.

Собираясь в столовых в группы, они ведут себя одинаково, а вокруг них всегда вьются фанаты.

Но хотя бы они не будут со мной разговаривать — и слава богу.

Может, они и обратили бы на меня внимание, если бы я на-
дела свой сексуальный летний наряд, как две школы назад,
но сейчас меня для них не существует.

Я моментально представляю, как пройдут следующие два
месяца. Во время обеда я буду читать книгу или сидеть в теле-
фоне. На переменах — здороваться с парочкой человек, кото-
рые сочтут меня достаточно интересной для короткого разго-
вора. В остальном буду просто существовать, сидеть на уроках
и уходить домой, чтобы... Дальше я не придумала, но, чем бы
я ни занималась, я буду делать это в одиночестве, пока мама
заканчивает свой двенадцатичасовой рабочий день.

Я так отчетливо все вижу — сама мысль об этой рутине
даже успокаивает. Просто плывешь по жизни, пытаясь разо-
браться в любимых занятиях и своем призвании. Я едва заме-
чаю, что кто-то садится рядом.

Поначалу я на него толком и не смотрю. Да, он симпатич-
ный, но мало ли симпатичных парней вокруг. Он не выбивается
из шаблона. Типично привлекательный: вьющиеся темные
волосы, карие глаза, высокий рост, широкие плечи, которые,
наверное, отчасти такие от природы, а отчасти — результат
тренировок с гантелями.

Я уже готова отвернуться, когда он улыбается в ответ на
фразу одного из футболистов, и я замираю. Есть что-то в его

улыбке, в том, как растягиваются губы, от чего через каждую клеточку моего тела словно проходит электрический разряд.

Это чувство для меня почти в новинку. Ему нет места в беспорядочной жизни между местами и людьми, которых я никогда больше не увижу.

Узнавание.

И вот так, за одно мгновение, все планы, все маски, все версии моей личности улетают в пропасть, а меня, цепляющуюся пальцами за землю, за крупинки в песочных часах, тащит сквозь пространство и время под старый дуб, к поломанному деревянному забору между нашими домами и яме с улитками, которую мы называли Улиткоградом.

Сэм Джордан.

Я сказала, что почти не помню детство, так вот, он — то самое «почти»: то, что я помню из жизни, когда мы с мамой еще не путешествовали от места к месту, от школы к школе.

Сэм. Сэмми. Когда мне хотелось его подразнить, я называла его Сэмюэл. Я вспоминала его все эти годы. Пару месяцев назад, когда парень из Сиэтла разбил мне сердце, я даже спросила маму про Сэма. Спросила, не помнит ли она мальчика за забором под дубом.

Было редкое утро, когда мы завтракали вместе. Обычно мама ест, не отрываясь от работы, в любом уголке, который сумела приспособить под офис, но тем утром мы стояли по разные стороны барной стойки и пластиковыми ложками ели йогурт.

— Кого? — переспросила мама. Ее голос прозвучал странно, чуть выше обычного, но у нее такое бывало.

— Сэма, — повторила я. — Моего друга. Он переехал, когда я была маленькой. Жил по соседству. Мы катались на велосипедах и играли в грязи рядом с домом, помнишь?

— А, да, — кивнула мама. Она едва меня слушала, соскребая остатки йогурта со стенок упаковки. — Он еще до нас уехал, да?

— Да, — сказала я, думая о нашем «правда обещании». — Все так.

Но если мама и вспомнила о царапинах и синяках, то ничего не сказала. Я видела, что она вообще не придала значения этому разговору.

Она не знала, что я думаю о Сэме каждый раз, когда вижу дерево с огромной кроной, или улитку, или разбитый глаз. Да и откуда ей знать? Я и сама многое забыла.

Но сейчас, глядя на него, сидя рядом с ним, я вспомнила. Я словно оказалась в самом воспоминании, шагнула в прошлое.

Даже спустя годы, за многие километры от того места я ощущала, каково это было. Что я почувствовала в тот момент, когда он наткнулся на меня, ковыряющую палкой гнилой забор. «О, вот ты где».

Не могу описать это словами, но тогда я почувствовала себя в безопасности. Тот момент был... монументальным. Важным.

И все это вернулось ко мне — эмоции пятилетней девочки, которые кажутся такими неуместными в семнадцать.

Наконец Сэм поднимает на меня взгляд. Мы смотрим друг на друга.

Нас разделяют какие-то сантиметры. Мы сидим так близко, что я могу совместить лицо Сэма из моих воспоминаний с ли-

цом Сэма передо мной. Он уже не маленький мальчик, но я помню этот нос, эти скулы и особенно эти глаза.

На секунду его лицо меняется, и я пытаюсь понять, узнал ли он меня. Горит ли он воспоминаниями, как я?

Его губы медленно растягиваются в улыбке, уголки приподнимаются. Я задерживаю дыхание, жду, вспомнит ли он. Жду «правда обещания».

А затем Сэм Джордан, король Улиткограда и человек, которого я по сей день считаю своим лучшим другом детства, открывает рот и с типичной спортсменской улыбкой говорит:

— Можешь подвинуться, чтобы моя девушка села рядом со мной?

ГЛАВА 2

Сэм

Со странным выражением лица новенькая толкает поднос к противоположному краю стола и бурчит:

— Конечно.

Я не успеваю подумать о ее поведении. В словно отрепетированном танце на освободившееся место присаживается Эбигейл.

— Сэмми, — улыбается она.

— Эбби. — Я улыбаюсь в ответ.

Я все еще не придумал, как сказать ей, что не люблю, когда меня называют Сэмми. Это напоминает мне о детстве, о том, что было *до*. Мне не нравится вспоминать то время, честно говоря. Но сейчас уже поздно начинать этот разговор. Странно будет, особенно после того, как она месяцами называла меня

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru